

Сочельник

Самый тёмный час –
перед рассветом.
Истины понятны и просты.
Только догадаешься об этом,
лишь разрушив всё,
что любишь ты,

лишь тогда,
когда пройдёшь дорогу
в темноте
на ощупь,
как слепой,
и в крошечной ненависти –
к Богу
вызнобленной
вскинешься душой.

Вскинешься,
замолкнешь
и услышишь:
плачет кто-то маленький в яслях –
и, услышав,
станешь ниже,
тише.
Тише,
чем звезда на небесах.

На озере

К рассвету станет холодно и сыро,
туман сольётся с серостью воды,
и в тишине покажется:
нет мира –
лишь лес, избушка, озеро и ты,
и лодка «Вера», ткнувшаяся носом
в суглинистый берег маленькой земли...

К чему сейчас ломаться над вопросом,
велик ли человек или не велик:
понятно всё.
Под притолокой чёрной
паук упорно снова ладит сеть,
и мне легко, послушной и спокойной,
на эту сеть без ужаса смотреть.

Восьмое марта
и минус тридцать –
давно природа
не удивляла.
Глаза открыла,
и всё –
не спится:
какое странное ты,
начало
весны...
А светом
животворящим
вливает Солнце
в окно пылинки –
тобою
вечным,
тобою
вящим
мы обогреты,
твои былинки.
Под толщей снега,
холодной,
белой,
ещё пока я
терплю и маюсь,
но, дом украсив
простой омелью,
весну встречаю
и улыбаюсь.

...А Русь была.
Ходила за водой,
Топила печь, ткала, косила, пела,
Оплакивала и в глаза смотрела
Без страха тем, кто ей грозил бедой.

...А Русь была.
Не думала не быть.
Голубила, жалела, согревала,
Младенца в зыбке до утра качала
И помнила о том, что надо жить.

Живи во мне,
Моя Россия, Русь,
Поплачь, когда тоска и нестерпимо,
И, если вдруг врагов – неодолимо,
Со мною будь – и я не боюсь.

Да, я не знаю правды обо всём,
но знаю:
власть
всегда найдёт причину
забрать свободу,
дом,
дитя,
мужчину
и оправдать себя –
всегда –
потом,
сказать:
«Так надо будущего для,
сейчас терпи
и делай, как велели».
И я, не понимающая цели,
молчу,
как безответная земля,
и думаю:
не мучайте меня
безумием и ужасом событий –
мне матерью,
мне родиною быть
и
любить всех вас,
спасая от огня.

Во мне стужился человек
и стал
тягуч.
И взгляд его под тяжестью век –
суровость
туч.
А снег струится на него –
и бел,
и чист.
Мой человек среди снегов
стоит
плечист.
Молчит, не плачет на краю –
смола
и вязь –
боюсь его я и таю,
боюсь.

– Мама, самолётики летят.
Мама, самолётики большие.
– Тише, детка, вороги хотя
Высмотреть, где есть ещё живые.

– Мама, танки едут по полям.
Мама, танки рыкают сердито.
– Тише, детка, надо им, врагам,
Вызвать, сколько русских не убито.

– Мама, там солдатики идут.
Мама, а кресты у них паучьи.
– Тише, детка, если нас найдут...
Господи, спаси от чёрной тучи.

Господи, они идут сквозь сад –
Руки окровавлены по плечи...
– Мама, слышишь, что-то говорят,
Мама, говорят... по-человечьи.